

Николай Силис

Воспоминания

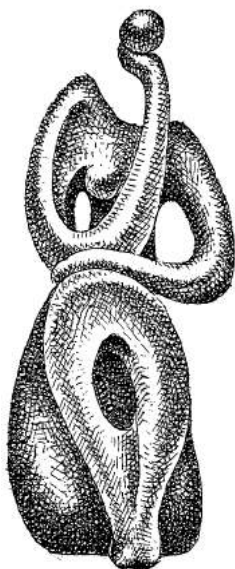
*Краткие комментарии
к деятельности скульпторов-монументалистов
В. Лемпорта и Н. Силиса в городах России,
ближнего и дальнего зарубежья*

Москва 2016

Красноярск

*Академгородок
Институт физики им. А.В. Киренского
Соленоид, 1970 г.*

Памятник Киренскому, 1973 г.

Если бы мы не дружили с физиками, что бы узнали о мире, кроме нашего подвала – скульптурной мастерской. Да и физики что бы знали о скульптуре и о двух (а вначале трех) чудаках-скульпторах, которые больше думали о дамах, развлечениях и прочих пустяках.

У нас в мастерской появился однажды друг Лёня Лундин. У физиков, должен сказать, мозги устроены совсем не так, как у художников. В наших работах, обильно заставляющих все пространство мастерской, физики увидели то, чего мы совсем не видели. Даже не подозревали, что в наших скульптурах есть что-то особенное.

Леня Лундин, будучи замом директора красноярского института, пригласил нас, меня и Лемпорта, облагородить здание института нашими монументальными произведениями. Конечно же мы

сразу согласились. Не потому, что так уж хотелось создать нечто гениальное, а просто было желание на время покинуть Москву и познакомиться с далеким сибирским городом. К тому же там совсем недавно была запущена в эксплуатацию величайшая в мире гидроэлектростанция. Кстати, о ней мы уже немного узнали из книги о ее строительстве от Анатолия Кузнецова, который как-то побывал в нашей мастерской.

Когда мы увидели здание института в Академгородке, расположенном неподалеку от города, пришли в довольно серьезное уныние. Мы сразу же поняли, что эту убогую архитектуру, сложенную из силикатного кирпича, спасти нашими произведениями невозможно. Даже если бы они были сверхгениальными с точки зрения мировых примеров монументального искусства. Из затруднительной ситуации нас вывели сами ученые. Они сказали: «А нам ничего сверхгениального и не нужно. Сделайте на фасаде два портрета величайших ученых мира и нашей родины: Ландау и Королева». Это было уже приемлемо. Скорее, для Володи Лемпорта, ибо он был признанным портретистом в нашем коллективе. Мне же досталась честь облагородить унылый портал центрального входа в институт.

Мгновенно был заключен договор, налажена связь с нашим скульптурным комбинатом, обязавшимся выполнить в металле в натуральную величину два больших портрета (более двух метров в

высоту), и мы приступили к работе. В процессе создания портретов про оформление портала как-то забыли.

О творческих «муках» говорить не буду – их просто не было. Их заслонили удивительные сведения о происходящем в этом крае.

Во-первых, нас поразила грандиозность сооружения самой плотины.

В Дивногорске (так назывался городок, где проживали строители) нас познакомили со всеми двенадцатью агрегатами-турбинами, через которые с диким ревом низвергалась вода в расчете закрутить все двенадцать турбин. Увы! Вскоре выяснилось, что воды не хватает не только на десять (или сколько там), а на половину агрегатов. Вода по каким-то причинам предпочла уходить через карстовые пещеры и промоины, а площадь образовавшегося водохранилища почему-то предпочла отдавать значительную часть воды на испарение. Затем мы узнали, что все плавающие средства не способны преодолеть плотину высотой в несколько десятков метров.

Ну и, пожалуй, самое печальное. Половозрелые осетры, которые испокон веков привыкли метать икру в верховьях Енисея, также оказались в недоумении. Мощные потоки воды, льющиеся из громаднейших труб в нижней части плотины, угоняли их неоплодотворенными вниз по течению.

Для переезда судов из одного уровня в другой люди соорудили все-таки какую-то ступенчатую конструкцию. А осетры и прочая рыба так и смирилась со своей трагической участью.

Теперь немножко о другой ситуации. Директор института Киренский умер. Как всегда, неожиданно. Леня Лундин снова обратился к нам. Он сказал: «Совет министров сделал исключение и

разрешил захоронить основателя Академгородка на территории самого городка. Так кому же, как не вам, соорудить памятник этому достойному человеку?»

Я и Лемпорт сразу поняли: кроме нас, больше некому.

Также ясно было, что портрет будет делать Лемпорт, а я остальное. Под остальным предполагались: идея, композиция, если камень, то рубка портрета в камне, ну и прочие заботы по решению всех проблем.

С идеей нас опять выручили ученые. Под Красноярском существует уникальный заповедник, который так и называется: «Красноярские столбы». Решили: мы берем на себя художественную часть, включая портрет и рубку в камне, а институт обязуется на место захоронения доставить эти самые гранитные «столбы» в слегка уменьшенном размере. Всем известно, что, каким бы хорошим ни был художник (а скульптор тем более), его произведение обязательно должно быть выставлено напоказ Художественному совету (подчеркиваю: с большой буквы).

Нам не повезло. Когда мы вдвоем внесли макет будущего монумента в комнату, где заседал Совет (опять с большой буквы), председателем Совета (еще раз с большой буквы) оказался Кербель. Тот самый, который создал незабываемый образ Карла Маркса в центре Москвы и также незабываемый образ Ильича на Октябрьской площади. Он сразу же высказал свое отрицательное отношение к представленной нами идее. Мы стали возражать, ссылаясь на то, что идея принадлежит ученым и макет уже одобрен на Красноярском Художественном Совете (все также с большой буквы). Кербель встал и сказал: «Я ухожу, пусть решает Совет (само собой с большой буквы). К нашему

удивлению, работу приняли. С оговорками, с глупыми поправками, но приняли.

А дальше самое смешное.

Лемпорт по каким-то причинам лететь в Красноярск не смог. Леня Лундин пригласил меня и архитектора Леву Соколова представить и утвердить наш проект на президиуме ученых в самом институте. В качестве награды за потраченное время он пообещал пригласить нас к себе и угостить гусем, запеченным с яблоками, который божественно умеет готовить его жена. Гуся он вез с собой. Лететь в Красноярск довольно долго. Я и Лева запаслись некоторым количеством спиртного. Дорога значительно сократилась по времени. Но когда стали садиться на полосу и показались синие сигнальные огни, самолет вдруг взревел и круто пошел вверх. Нас прижало к креслам, и мы поняли: что-то случилось. Все замолчали и насторожились. А наш архитектор Лева Соколов густым басом промолвил: «Гуся жалко».

Самолет долго летал вокруг аэродрома, сжигая топливо, но все-таки сел благополучно.

Как только пилотный экипаж вышел из своей кабины, Леня бросился к одному из них – своему знакомому: «Что случилось?» Ответ: «Помеха на полосе».

Мы вчетвером: Леня, я, Лева и гусь – остались невредимы.

